

СБАЛАНСИРОВАННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА

1. Особенности денежного хозяйства России в 1989-2005гг.

1.1. Дж.М.Кейнс или М.Фридмен?

Итак, что же лежало в основе денежно-кредитной политики Центрального Банка в 1992-2005гг. – идеи (нео)кейнсианской концепции или же неоклассического подхода?

Если исходить из краеугольного положения концепции Дж.М.Кейнса о нейтральности денег (или супернейтральности в трудах неокейнсианцев), то количество денег в обращении должно расти с темпом, соответствующим темпу роста реального ВВП, то есть

$$\Delta M = \Delta Y \quad (C), \text{ где}$$

ΔM – среднегодовой темп приращения денег за длительный период (%);

ΔY – среднегодовой темп прироста реального ВВП за длительный период (%).

В рамках неоклассической концепции М.Фридменом было выдвинуто так называемое "денежное правило" сбалансированной монетарной политики. Прирост денежной массы определяется уравнением, согласно которому денежная масса в неоклассическом приближении к истине должна уже расти несколько большими, чем реальный ВВП, темпами

$$\Delta M = \Delta P + \Delta Y \quad (F), \quad \text{где}$$

ΔP – среднегодовой темп ожидаемой инфляции (%). По Фридмену это должен быть темп, "очищенный" от инфляции, вызванной государством и профсоюзами. Но поскольку говорить об ожидаемой инфляции, а тем более искать грань, отделяющую "рыночную" инфляцию от "государственной" или "социальной", в России просто нелепо, то для расчетов на основе денежного правила Фридмена я использовал цифры Госкомстата РФ.

Попробуем установить "приверженность" Центрального Банка России идеям какой-либо научной школы с помощью анализа рядов динамики наиболее важных макроэкономических параметров российской экономики в 1989-2004гг. (табл.1).

Согласно уравнению (C) и идее нейтральности денег, должно иметь место примерное равенство между приростом денежной массы и приростом реального ВВП. Это значит, что на большей части рассматриваемого периода денежная масса должна была сокращаться как шагреневая кожа, и лишь в последние пять лет она должна была расти на 5-10% за год. Однако на всем протяжении рассматриваемого интервала фактические темпы прироста денежной массы не имеют ничего общего с темпами, вытекающими из концепции Дж.М.Кейнса, – а следовательно, говорить о последней как лежащей в основе политики ЦБР не приходится.

Согласно монетарному правилу Фридмена (F), темп прироста денежной массы в обращении должен равняться сумме темпа прироста реального ВВП и темпа инфляции. Подобная картина наблюдается, как это ни странно, в 1989-91гг. (табл.1), когда денежной политикой занимались Госбанк СССР и Минфин СССР. На большей части рассматриваемого временного интервала, в том числе и самый пик экономической реформы (за исключением 2000-07гг., о чем я скажу особо), фактические темпы прироста денежной массы также весьма далеки от темпов, вытекающих из денежного правила Фридмена. Денежно-кредитная политика ЦБР в последние 15 лет лишь временами, и то очень отдаленно, напоминала количественную теорию денег, но никакой ее полноценной реализацией не являлась.

Два слова о 1998-99гг., когда изменение денежной массы проходило, как было сказано, по схеме, близкой к неоклассической модели. Но усматривать в этом влияние именитой школы было бы забавно: если в 1998г. во главе ЦБР находился г-н Дубинин, и соответственно в

политике ЦБР еще можно пытаться найти отголоски монетаризма, то в 1999г. эту должность занимал уже г-н Геращенко, которого как-то сложно заподозрить в симпатиях к неоклассическим идеям.

А если учесть, что г-н Геращенко стоял во главе ЦБР до 2002г., и в этот период фактические темпы роста денежной массы в 1,5-2 раза (!) превышали темпы, следующие из денежного правила Фридмена, то правильнее всего будет признать, что ЦБР в лице г-на Геращенко в 1999-2002гг. был тайным противником чикагской школы. Впрочем, и в последующем, вплоть до 2007г., темпы роста денежной массы по-прежнему значительно превышают темп роста номинального ВВП, то ЦБР полностью отказалось от монетаризма как идеологической основы денежно-кредитной политики.

Но если политика ЦБР в течение рассматриваемых 15 лет не была ни кейнсианской, ни неоклассической, то какой же она тогда являлась?

То, что она была самобытной, вне всяких сомнений. Но одного этого качества, как оказалось, недостаточно, чтобы быть адекватной экономическим реалиям. В частности, августовский обвал 1998г. и последовавший за ним осенью 1998г. инфляционный взрыв наглядно показали, что рубль в состоянии с величайшей легкостью ускользнуть из-под контроля ЦБР, и последнему ничего не остается, кроме как разводить руками, глядя на взбесившуюся национальную валюту.

К этому нужно добавить, что за прошедшие после 1998г. восемь лет Центральный банк и правительство так и не смогли найти рычаги, способные эффективно противодействовать инфляционным процессам. А это значит, что остается лишь констатировать концептуальную слабость денежно-кредитной политики ЦБ России. А это не слишком солидный багаж для страны, собравшейся в длительный рыночный вояж, и тем более рассчитывающей на успехи.

1.2. "Аргентинский синдром"

Последние семь-восемь лет российская экономика развивается по некоему фантастическому сценарию. С одной стороны, невиданные за последние 30 лет темпы экономического роста: пять лет подряд 4-7% реального роста – это не шутка (табл.1). Но, с другой, шокирующие темпы инфляции: те же самые восемь лет по 12-36%. Только один раз – в 2006г. – официальный темп инфляции измерился однозначной величиной.

Но даже высокие темпы инфляции – это только полбеды. Головная боль правительства – то, что фактические ее темпы в полтора-два раза выше планируемых: обещаются 9-14% за год, а в итоге выходит много больше, – словом, правительство проигрывает инфляции безнадежно. Но картина хоть и поразительная своими крайностями – экономический рост и неуправляемая инфляция одновременно – однако вовсе не беспрецедентная, так как представляет собой частный случай экономической ситуации, получившей название "аргентинский сценарий".

В начале XX столетия Аргентина считалась среди стран Южной Америки бесспорным лидером по уровню экономического развития, и ей уже прочили в экономике континента роль, сравнимую с местом США в экономике Северной Америки. Прогнозы не сбылись, но не это главное – есть момент куда более поучительный. Дело в том, что независимо от вектора экономического развития этой латиноамериканской страны – бурный рост, глубокий кризис или застой – вектор развития ее денежно-кредитной системы почти 80 лет был направлен строго в одну сторону на манер стрелки компаса: если не инфляция в той или иной версии (от гипер- до ползучей), то девальвация-то уж наверняка.

Таблица 1: Основные макроэкономические показатели развития России за последние 19 лет

Показатели	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
1. Прирост номинального ВВП, %	1,8	10,3	103,1	1361,5	702,6	178,4	121,8	18,1	11,9	74,6	45,2	32,1	25,4	19,7	20,2	19,6	18,0	17,2	20,7
2. Прирост реального ВВП (ΔY), %	-0,1	5,3	-21,9	-44,0	-14,6	-11,6	-4,0	-3,0	0,8	-5,3	6,4	9,9	5,7	4,0	7,3	7,1	6,4	6,8	7,9
3. Инфляция за год (ΔP), %	1,9	4,7	160,0	2510,0	840,0	215,0	131,0	21,8	11,0	84,4	36,5	20,2	18,6	15,1	12,0	11,7	10,9	9,7	11,9
4. Расчетный прирост денежной массы, %																			
– по Дж.М.Кейнсу ($\approx \Delta P$)	-0,1	5,3	-21,9	-44,0	-14,6	-11,6	-4,0	-3,0	0,8	-5,3	6,4	9,9	5,7	4,0	7,3	7,1	6,4	6,8	7,9
– по М.Фридмену ($\approx \Delta Y + \Delta P$)	1,8	10,3	103,1	1361,5	802,6	256,1	167,1	34,9	18,3	3,6	66,0	32,1	25,4	20,3	20,2	18,8	17,3	16,5	19,8
5. Фактический прирост денежной массы, %	8,9	10,4	103,9	672,5	380,6	182,7	136,7	27,5	30,3	3,2	62,9	62,4	40,1	32,3	50,5	35,8	36,1	40,7	35,2
6. Скорость обращения денег	1,61	1,61	1,60	3,03	5,70	7,18	8,10	8,57	7,78	7,81	7,96	6,47	5,80	5,27	4,21	3,71	3,17	2,67	2,46

Источники:

- Российские статистические ежегодники (Госкомстат России). 1990-2006гг.
- Сайт Центрального Банка России [<http://www.cbr.ru>].
- Россия в меняющемся мире. – М.: ИЭА, 1997. С.571-574, 587-590.

Скорость обращения денег здесь есть отношение ВВП к денежной массе. При расчете за базу была взята скорость обращения денег в 1995г. (8,1) и для остальных лет она устанавливалась согласно табл.1-3.

Таблица 2: «Плановые» и фактические макроэкономические показатели развития России в 2000-10гг.

Показатели	факт 1999	2000*		2001		2002		2003		2004		факт 2005	факт 2006	факт 2007	план 2010**
		план	факт	план	факт	план	факт	план	факт						
ВВП в текущих ценах, млрд.руб.	4 545	5 837	7 306	6 964	8 730	7 907	9 456	8 990	11 366	10 023	16 779	19 799	23 196	28 007	18 932
ВВП по обменному курсу $^{py6.}/_{USD}$, млрд.USD	186	205	260	229	298	234	301	261	386	284	579	700	842	1101	457
Валютные резервы на конец года, млрд.USD	9	19	28	24	37	33	48	35	77	39	125	182	304	476	52
Прирост реального ВВП за год, %	3,2	5,0	10,0	4,1	5,7	4,6	3,9	5,1	7,3	4,7	7,1	6,4	6,8	7,9	5,2
Прирост потребительских цен, %	37,0	13,0	20,2	10,0	18,6	11,0	15,1	9,0	12,0	7,0	11,7	10,9	9,7	11,9	6,0
Среднегодовой обменный курс, $^{py6.}/_{USD}$	24,4	28,4	28,1	30,3	29,3	33,8	31,4	34,5	30,5	35,2	28,81	28,27	27,56	25,44	41,3

Примечания:

* В графах "план" приведены показатели программы, в графах "факт" – соответственно фактические достижения.

** Относительные показатели для 2010г. даны как прогнозируемые среднегодовые величины за период 2005-10гг.

Как правило, данный сценарий порождает у правительств, испытавших на себе его прелести, так называемый "аргентинский синдром" – желание избежать инфляции: сначала всеми правдами, а когда они перестают давать результаты, то и всеми неправдами.

Мексика еще в 1982г. преподнесла своим гражданам, а заодно и заморским кредиторам, сюрприз ничуть не хуже того, что продемонстрировало российское правительство в августе 1998г.: девальвация песо на 40% и мораторий по долгам. Бразилия пять лет, начиная с 1994г., восхищала мир своим умением контролировать государственные расходы и инфляцию, но в конце концов у правительства сдали нервы, и оно не нашло ничего лучшего, как пустить обменный курс реала в свободное плавание. На грани долгового кризиса в 1999г. балансировало Чили. Аргентина просто чуть дольше (до 2001г.) выглядела более способной ученицей МВФ, но – сколько веревочке ни виться, а самый грандиозный в мировой истории дефолт теперь числится не за кем-нибудь, а именно за ней ...

Но поскольку ни одно из применяемых в войне с инфляцией средств – как рекомендуемых МВФ, так и, наоборот, порицаемых им, – не дает положительных результатов, то логическим следствием "аргентинского синдрома" у национальных правительств становится в итоге стремление радикально избавиться от не поддающейся дрессировке национальной валюты. Выражается оно в отказе от национальной валюты как средства платежа. Сначала это отказ вынужденный, отказ де-факто, когда население голосует против родной валюты ногами, протаптывая тропинки к обменным пунктам, а правительство упражняется в торможении роста денежной массы. Но затем, начиная с определенной стадии – отказ уже добровольный, де-юре.

Лет шесть назад конгресс США собирался рассмотреть законопроект, направленный на привлечение в "долларовый блок" все большего количества развивающихся стран, использующих доллар в качестве национальной валюты. Предполагалось, что принятие подобного законопроекта может подстегнуть ряд стран Латинской Америки к более скорому введению доллара США; в частности, на тот момент Аргентина и Эквадор действительно рассматривали такую возможность. Надо ожидать, что последние события в Аргентине несколько остудят желание Соединенных Штатов покровительствовать ей, и Аргентине придется возвращаться к уже испытанным, более реалистичным способам мирного сосуществования с инфляцией, как то: военные перевороты, политические дрязги, коррупция и криминал...

В то же время Эквадор заменил национальную валюту долларом и действительно добился экономической стабилизации. Но уж крайне мала эта страна, да вдобавок к тому же еще и нефтеносна, чтобы рассматривать ее как безусловный образец для всеобщего подражания. А если учесть, что и сами американцы немалые мастера устраивать "дефолты" (вспомните, чем закончился Бреттон-Вудский «пакт о ненападении»), то выводы и тем более делать преждевременно.

Поэтому вовсе не исключен вариант, что в один прекрасный день с берегов Потомака будет озвучено, что только те американские доллары являются долларами, который в данный момент находится в пределах государственных границ Соединенных Штатов, а все остальные доллары – от лукавого. Словом, кто не спрятался – я не виноват...

Уже есть все признаки, что наша экономика незаметно для себя сползла в колею, несколько десятков лет назад выбранную для себя Аргентиной:

- в 1992–98гг. мы наблюдали одновременно и спад производства, и инфляцию;
- в 1998г. мы показали себе и миру, что иммунитета от дефолтов у нас нет;
- в 1999г. – 2007г. мы имеем бурный однозначный (в смысле количества цифровых знаков) рост, но в то же время – двузначную инфляцию;
- наконец, 1992-95г. и 1998-99г. – это два периода, когда темпы вытеснения национальной валюты долларом были особенно высоки. Утверждать, что август 1998г. в нашей новейшей истории был последний раз, не решится никто, даже правительство – стабфонды при умопомрачительном золотовалютном запасе зря не создают.

Как мрачно прогнозирует М.Делягин, "...кризис разразится между осенью 2005 и осенью 2008 года"¹. То, что происходит в мировой экономике последние полгода, конечно, еще не обвал российской валюты, но событиям 1998г. тоже предшествовал азиатский финансовый кризис 1997г, который, казалось бы, равным счетом ничего не обязывал российские финансы...

Чтобы параллели с Аргентиной были убедительнее, обратимся к сравнениям темпов роста потребительских цен, темпов роста цен на промышленную продукцию и изменения обменного курса рубля к основными мировым валютам. На большей части рассматриваемого

¹ Шипицына Н. Буревестник. – Московский комсомолец. № 202. 17 сентября 2003г.

периода это американский доллар, в последние годы – единая европейская валюта (табл.3).

Представив данные из табл.3 графически (в целях удобства на логарифмической шкале), мы обнаруживаем волнообразный характер процессов в денежной сфере (рис.1).

Но это значит, что девальвационно-инфляционная гонка может не ограничиться двумя рывками лидирующей валюты (1989г. и 1998г.).

Экстраполируя нынешние темпы сходимости рядов динамики к оси абсцисс, которая здесь выступает в качестве условного графика обменного курса рубля, можно ожидать, что после затухающей инфляции в период 2000-05гг. денежную систему подстерегает очередной промежуточный девальвационный рубеж. В момент максимального сближения кривых с осью абсцисс (фактически он уже наступил), то есть когда цены в своем росте фактически догоняют обменный курс рубля (как это уже имело место в 1989г. и 1998г.), вновь появляется формально-логическое условие для девальвационного рывка лидирующей валюты. Налицо вероятность новой волна инфляционной погони рубля за долларом или евро (даже если лидерство захватит единая европейская валюта, то утешения немного).

Таблица 3: Основные инфляционные показатели развития России за последние 19 лет

Дата	Обменный курс RU к валютам (1989г.=1)	Темп роста потребительских цен (к 1989г.)	Темп роста цен промышленной продукции (к 1989г.)	курс RU к валютам темп роста потребительских цен [гр.1 : гр.2]	курс RU к валютам темп роста цен на промышленную продукцию [гр.1 : гр.3]
А	1	2	3	4	5
01.01.1989	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000
01.01.1990	8,293	1,019	1,017	8,138	8,154
01.01.1991	26,829	1,067	1,045	25,145	25,674
01.01.1992	95,122	2,774	2,508	34,291	37,927
01.01.1993	365,9	72,4	51,4	5,053	7,116
01.01.1994	1 536,6	680,6	514,1	2,258	2,989
01.01.1995	4 329	2 178	1 696	1,988	2,552
01.01.1996	5 659	5 009	4 580	1,130	1,235
01.01.1997	6 780	6 011	5 955	1,128	1,139
01.01.1998	7 268	6 612	6 550	1,099	1,110
01.01.1999	25 183	12 192	8 070	2,066	3,121
01.01.2000	32 927	16 643	13 500	1,978	2,439
01.01.2001	34 341	20 005	18 725	1,716	1,834
01.01.2002	36 756	23 726	22 076	1,549	1,665
01.01.2003	38 659	27 474	25 851	1,407	1,495
01.01.2004	42 769	30 771	29 237	1,390	1,463
01.01.2005	44 190	34 371	37 511	1,286	1,178
01.01.2006	45 830	38 117	42 537	1,202	1,077
01.01.2007	46 176	41 815	47 812	1,104	0,966
01.01.2008	47 949	46 791	58 426	1,020	0,820

Источники: те же, что и для табл.1.

Примечания:

- на 1989-2002гг. и в 2005г. в качестве валюты принимается американский доллар
- на 2003-04гг. и в 2006-07гг. в качестве валюты используется единая европейская валюта.

Подобная «разборчивость» есть вынужденная мера, обусловленная различной динамикой кросс-курсов валют в эти годы. В противном случае мы имели бы, что в долларах картина улучшается, а в Евро ухудшается. А она не может быть и такой, и такой. Поэтому в качестве сравнительного «фона» использовалась динамика той валюты, которая оказывалась в том или ином периоде сильнее по отношению к рублю.

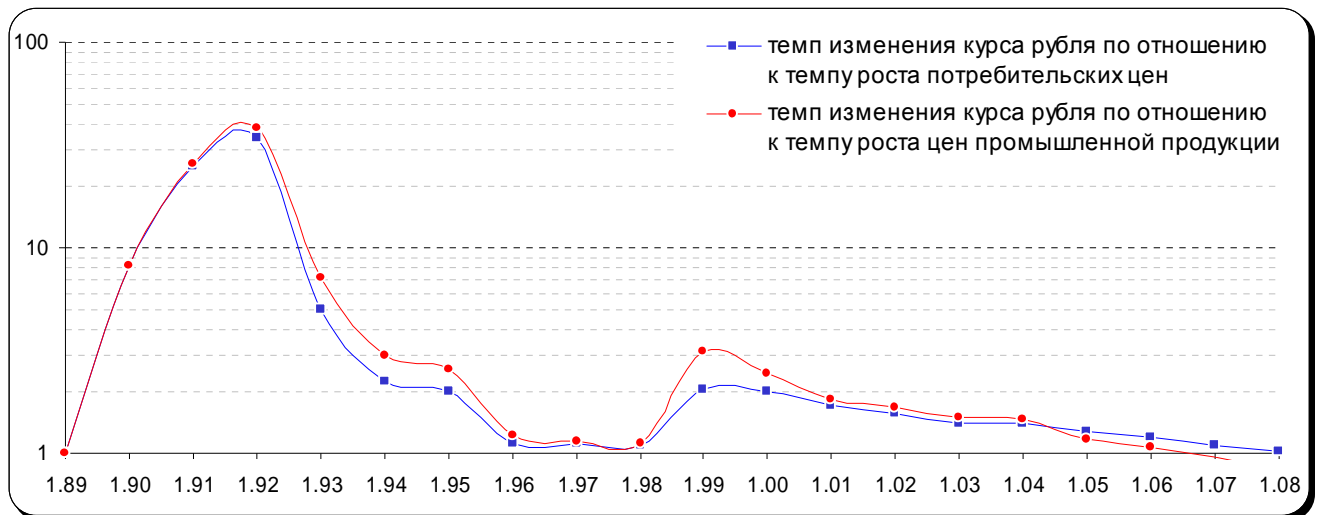

Рис.1. Соотношение темпов роста цен (потребительских и промышленных) и динамики обменного курса рубля

Путь даже этот прогноз и формален, есть ряд косвенных аргументов в его пользу.

Во-первых, благодаря удачному стечению обстоятельств на мировом рынке нефти, а также благодаря трехлетней полосе невезения для западных стран, курс рубля почти два года неподвижен и, более того, даже склонен укрепляться, то есть выгодный для России мировой нефтяной рынок фактически воспроизводит эффект "валютного коридора" образца 1996-98гг. В свою очередь, что цены особенно быстро сокращают дистанцию между собой и обменным курсом, и соответственно стремительно приближаются к опасной границе (оси абсцисс).

Во-вторых, у Центрального банка до сих пор нет вразумительной денежно-кредитной политики, о чем было сказано в предыдущем разделе, хотя ее наличие было бы отнюдь не лишним для страны со слабой национальной валютой.

В-третьих, и это самое тревожное, Правительство не слишком оптимистично смотрит на будущее рубля и его позиции в сравнении с долларом. В этом убеждает программа социально-экономического развития страны на период до 2010г., разработанная в свое время в 2000г.

Основные цифры программы есть в № 24 газеты "Экономика и жизнь" за 2000г.. Согласно им, к 2010г. по сравнению с 1999г. потребительские цены должны вырасти примерно в 2,3 раза, а обменный курс рубля в 1,7 раза (табл.2).

Таблица 4: Сравнительные показатели скорости денежного обращения

Страны с оптимальной денежной массой и умеренной скоростью обращения денег (21 страна)		Страны с избыточной денежной массой и низкой скоростью обращения денег (4 страны)		Страны с недостаточной денежной массой и высокой скоростью обращения денег (30 стран)	
страна	скорость обращения денег	страна	скорость обращения денег	страна	скорость обращения денег
Великобритания	1,0	Тайвань	0,5	Индия	2,1
КИТАЙ	1,0	Гонконг	0,5	Индонезия	2,3
Австрия	1,1	Швейцария	0,9	Чили	2,9
Сингапур	1,2	ЯПОНИЯ	0,9	Мексика	3,3
Германия	1,4			Бразилия	3,8
Израиль	1,4			Колумбия	3,9
Франция	1,6			Румыния	5,0
Австралия	1,6			АРГЕНТИНА	5,3
Канада	1,7			РОССИЯ	8,1
США	1,8			Белоруссия	9,6

	ЮАР	1,9		Украина	12,0
Денежный и макроэкономический результат и «неофициальный» прогноз:	умеренная инфляция и устойчивый экономический рост сейчас и в перспективе		нулевая инфляция на грани с дефляцией и хроническая рецессия; в перспективе – социально-экономическая автаркия (замкнутость)		обременительная инфляция и кризисный тип экономической динамики сейчас и в перспективе

Источники: те же, что и для табл.1

Словом, здоровье национальной валюты – как внутри страны, так и за ее пределами – согласно имевшим место прогнозам, должно было основательно пошатнуться. Во всяком случае, никакое укрепление рубля в текущем десятилетии на официальном уровне не прогнозировалось.

То, что произошло в экономике уже после принятия программы (после 2000г.), выглядит еще более удручающе. По суммарному темпу инфляции страна уже сегодня вышла на прогнозный рубеж 2015г., то есть с опережением на 7-8 лет. Ну, некоторое отставание фактического обменного курса рубля от прогнозируемого, как мы знаем, вполне компенсируется курсом по отношению к европейской валюте, то есть искать в этом пункте заслуги правительства и ЦБР РФ – занятие неблагодарное.

Итак, налицо противоречие, над которым мало кто из экономистов и политиков задумывается: с одной стороны, правительство изо дня в день декларирует необходимость экономического роста с целью сближения с развитыми странами Европы, Америки и Азии; с другой же – оно считает, что этот прогресс будет сопровождаться ростом цен внутри страны (инфляцией) и дальнейшим ослаблением обменного курса рубля по отношению к мировым валютам, как это происходило в течение последних 12 лет.

Но это есть нонсенс, ибо экономический рост не может протекать при слабеющей как внутри, так и вне страны национальной валюте. Во всяком случае, мировая история подобных примеров на сегодняшний день не знает, чему есть унылое подтверждение в лице "аргентинского сценария" и который в наши дни реализуется подавляющим большинством развивающихся стран. Напротив, мировая история знает, пусть и немногочисленные, успешные примеры экономического оздоровления стран, которые происходили на фоне укрепления национальной валюты. В прошлом столетии это опыт Советского Союза 1922-27гг. и 1945-54гг., Германии 1921-26гг. и 1945-58гг., Японии 1945-61гг., азиатских "тигров" и "драконов" 1970-80гг. При всем различии политических и экономических нюансов оздоровления национальных экономик общим для них было то, что экономический рост в этих странах сопровождался укреплением национальной валюты и внутри страны, и на мировом рынке.

А потому правительственные прогнозы экономического роста нужно признать по меньшей мере несерьезными. Если делать ставку на экономический рост, то одновременно нужно проводить курс и на укрепление национальной валюты как внутри страны, так и вне ее. Если же проводить сознательную политику дальнейшего ослабления национальной валюты, как это было заложено в программе, разработанной в 2000г. и к чему до сих пор предрасположен Центральный Банк, то в таком случае в длительной перспективе нужно готовиться к хроническому застою и стагнации, время от времени переходящими в явный спад. Ожидать экономического роста, пассивно наблюдая при этом за медленной смертью национальной валюты – думаю, не получится при всем старании; даже барон Мюнхгаузен и то не рисковал сидеть на двух стульях сразу.

Итак, невеселый вывод из вышесказанного. При отсутствии сознательного и, более того, осознанного стремления правительства к укреплению национальной валюты наиболее вероятным вариантом развития для страны является дальнейшее ослабление национальной валюты, сопровождающееся углублением общего экономического отставания от развитых стран, то есть реализация "аргентинского сценария". А между тем желателен совсем другой вариант: признаваемое мировым экономическим сообществом укрепление национальной валюты на фоне экономического роста, позволяющего устойчиво сокращать разрыв с развитыми странами.

1.3. Параллели и аналогии

Однако было бы неправдой сказать, что правительство не предпринимает усилий, чтобы не забуксовать в колее, в которой в XX веке застряла вся Южная Америка. Но до сих пор безрезультатно, поскольку большей частью эти попытки из разряда тех, которые с подачи МВФ уже были апробированы в латиноамериканских странах и провалились.

В течение шести лет, в 1992-98гг., правительственные кабинеты, руководствовавшиеся ортодоксальными концепциями инфляции, и в частности, положением неоклассической теории о том, что инфляция есть побочный нежелательный продукт избытка денежной массы, были склонны считать, что раз инфляция порождается деньгами, то лучшее средство от нее – это торможение роста денежной массы, вплоть до полной натурализации обмена вообще (в полном согласии с утверждением, что наилучшее средство от перхоти – гильотина). При этом правительственные кабинеты никак не хотели замечать многолетний опыт несчастных латиноамериканских стран, который невозмутимо говорил, что ставка на торможение роста денежной массы не оправдывает себя в состязании с инфляцией – как раз даже наоборот. Чтобы проиллюстрировать сказанное, сравним показатели денежного хозяйства стран мира в 1995г.²

При анализе первоисточника обнаружилось, что распределение данного показателя для статистической совокупности из 55 стран не является унимодальным – она носит спектральный ("квантовый") характер. В частности, наблюдаются две подгруппы со своими модальными значениям скорости обращения денег и отчетливой границей в виде локального минимума:

Интервал скорости обращения денег	Число стран
от 0 до 0,9	4
от 1 до 1,9	21
от 2 до 2,9	10
от 3 и выше	20

Можно предположить, что страны с различной скоростью обращения денег имеют различную степень сбалансированности денежной массы по отношению к ВВП. Возможно, что страны со скоростью от 1 до 1,8 имеют оптимальную по отношению к ВВП денежную массу, страны со скоростью от 0,5 до 0,9 имеют избыточную по отношению к ВВП денежную массу и, наконец, страны со скоростью от 2,9 и выше имеют недостаточную по отношению к ВВП денежную массу. Эти качественные оценки – оптимальная, избыточная и недостаточная, – как будет далее показано в табл.3, являются вполне обоснованными, если принять во внимание дополнительные макроэкономические характеристики развития рассматриваемых стран.

В табл.4 к странам с оптимальной денежной массой отнесены государства, имеющие скорость обращения денег от 1 до 1,9; к странам с избыточной денежной массой – со скоростью обращения денег меньше 1; к странам с недостаточной денежной массой отнесены государства со скоростью обращения свыше 2,8. К последней группе – а есть основания полагать, что это подавляющая часть государств мира, – относится и Россия, скорость обращения денег в которой, хотя и постепенно снижается, но все еще составляет примерно 2,5.

Пропорции между двумя крайними колонками нужно понимать в том смысле, что при прочих равных условиях денежная масса у стран слева в несколько раз выше, чем у стран справа. Далее, помимо чисто количественных пропорций, у стран справа и слева есть и различие качественного свойства: если страны слева последние 10 лет прошли под флагом более или менее устойчивого экономического роста, то страны справа отметили это же самое десятилетие пышным букетом кризисов, дефолтов и социальных потрясений. Конечно, в 1999г. – 2005г. отечественная экономика демонстрирует чудеса роста, но если года три назад многие видели в этом признак экономического возрождения, то теперь оптимистов не осталось даже в правительстве: стране, считающей достаточной гарантией для уверенности в будущем солидный золотовалютный запас, стабфонды ни к чему. Гораздо более скептически, чем десятилетие назад, экономисты оценивают достижения Чили и Мексики; об остальных же

² Россия в меняющемся мире. – М.: ИЭА, 1997. С.571-574, 587-590.

странах из правой колонки и говорить не приходится. Даже Индия и особенно Индонезия, которые, казалось бы, в середине 90-х годов были готовы вот-вот повторить рывок дальневосточных "драконов" и "тигров" (в пользу этого говорит и низкая скорость денежного обращения), после азиатского кризиса 1997г. заметно сбавили обороты экономического роста.

Таким образом, за 10 последних лет принадлежность государств к различным колонкам сохранилась и подтвердила, что на стабильный экономический рост вправе рассчитывать лишь страны с оптимальной денежной массой, в то время как странам с несбалансированной денежной массой не стоит надеяться на устойчивый экономический рост. Страны с избыточной денежной массой склонны преимущественно к рецессии (яркий тому пример – Япония и Тайвань), а периодически даже к обвалам; ну, а страны с зажатой денежной массой фатально обречены на прозябание, даже если при этом бюджет готов треснуть от "нефтедолларов". Из этого можно сделать эмпирический вывод о существовании корреляции между количеством денег в стране (оптимальное, избыточное или недостаточное), с одной стороны, и показателями ее экономической динамики (соответственно рост, рецессия или спад), с другой.

А потому главную задачу национального центрального банка любой страны мне видится следующей: **удерживать скорость обращения денег в некоторых рамках**. В современных условиях данный интервал, видимо, составляет от 1 до 2 единиц, если измерять скорость обращения денег как отношение ВВП к денежной массе, – в противном случае функционирование экономики становится неустойчивым, кризисным.

Данный алгоритм допускает возможность не только роста денежной массы, но и ее уменьшения – все зависит от сложившейся на сегодняшний день скорости обращения денег. Российская экономика, чтобы покинуть группу стран из правой колонки (табл.4) и перейти в левую колонку, в настоящее время нуждается в увеличении денежной массы. Оптимальный ее объем должен составить с течением времени величину, при котором скорость обращения денег: согласно табл.1, в 2002г. она все еще равнялась 5,27 единицы (как у Аргентины в 1995г.), – приблизится к средней скорости обращения денег у стран из левой колонки: согласно табл.2, это 1,5-1,6 единицы (столько, кстати, составляла скорость обращения денег в СССР в 1989г.).

Рост денежной массы в экономике не есть неизбежный толчок к росту цен, хотя именно этим пугают страну в течение 1992-2004гг. Сомневающимся настоятельно рекомендую вспомнить второе полугодие 1998г. В тот период объем денежной массы (агрегат M2) в российской экономике вообще не менялся, а цены начиная с конца августа росли как на дрожжах. Тем самым они громили ортодоксальные теории инфляции, и прежде всего механизм инфляции в неоклассической концепции, да так, что вплоть до начала 2000г. в России никто даже не заикался, что количество наличных денег в экономике как-то способно отразиться на инфляции. "Раны" зажили лишь к весне 2000г., когда в прессе снова стали появляться высказывания, какой же долей инфляции мы обязаны денежному фактору. Но поскольку такая непоследовательность в трактовке связи денежной наличности и инфляции выглядит по меньшей мере странно, то мне хотелось бы повторить: появление в экономике новых дополнительных масс денег (через увеличение заработной платы, окладов, стипендий, пенсий и т.д.) не есть неизбежный стимул к росту цен. Их влияние на цены целиком и полностью зависит от того, какой рынок представляет эта экономика – здоровый рынок или рынок только по ярлыку, повешенному на эту экономику когда-либо (допустим, 1 января 1992г.). Если рынок мыслит здраво, то рост денежной массы ему не во вред. Если же рынок имеет "аргентинскую патологию", то, увы, картина становится уже совсем иной – с дефолтами и беспомощностью национального банка.

Итак, сравнения с более удачливыми на путях экономического прогресса попутчиками показывают, что страна, не располагающая простором в денежной массе, вряд ли обретет простор для экономического роста. История последних десяти лет иного исхода не показывает.

Но возникает вопрос, который можно также считать выводом из первой части статьи.

Возможен ли **рост денежной массы** (вывод из третьего подраздела) одновременно с **укреплением национальной валюты как внутри страны, так и по отношению к мировым валютам** (вывод из второго подраздела), и как эти, на первый взгляд, несовместимые феномены закрепить в виде долговременной экономической и **денежно-кредитной политики**, которая сегодня, строго говоря, еще отсутствует (вывод из первого подраздела)?

2. Микроэкономический аспект денежного обращения

Показатели постоянных и переменных затрат (в англоязычной литературе *fixed cost* и

variable cost соответственно), используемые в управленческом анализе *direct-costing*, в настоящее время являются уже настолько привычными, что удивить ими кого-либо трудно. Однако эти показатели, внешне не имеющие, казалось бы, никакого отношения к денежному обращению, могут помочь в решении даже этих проблем.

Пусть для двух смежных промежутков времени $\Delta t \rightarrow 0$ физический объем продаж фирмы $y(x)$ есть линейная функция от цены x :

$$y(x) = kx + b \quad (1), \text{ где}$$

$y(x)$ – физический объем продаж товаров (в физических единицах);

x – цена товаров (руб. за единицу);

k и b – коэффициенты, связывающие между собой физический объем продаж и цену.

Таким образом, если покупательский спрос эластичен по цене, то повышение цен приводит к сокращению спроса, а их снижение, наоборот, к увеличению спроса. Это означает, что коэффициент k в выражении (1) отрицателен, а коэффициент b , наоборот, положителен, в силу чего график функции $y(x)$ есть линейно убывающая функция³ (рис.2).

Что касается зависимости себестоимости единицы товара от физического объема продаж, то она формируется как функция цены, переменных и постоянных затрат:

$$z(x) = \frac{VC + FC}{y(x)} = [vc] + \frac{FC}{y(x)} = [vc] + \frac{FC}{kx + b} \quad (2), \text{ где}$$

$z(x)$ – удельная себестоимость товаров (руб. на единицу товара);

FC – постоянные затраты фирмы (руб.);

VC – переменные затраты фирмы (руб.);

$[vc]$ – удельные переменные затраты товаров (руб. на единицу товара).

Каким образом себестоимость единицы товара $z(x)$ зависит от цены x , показано на рис.3. Со снижением цены, приводящим к росту продаж, удельная себестоимость также снижается, то есть наблюдается так называемый эффект масштаба производства.

Зная зависимости объема продаж $y(x)$ и удельной себестоимости $z(x)$ от цены x , выводим зависимость прибыли от цены, то есть функцию $P(x)$:

$$P(x) = y(x)[x - z(x)] = kx^2 + (b - k \cdot [vc])x - (b \cdot [vc] + FC) \quad (3), \text{ где}$$

$P(x)$ – прибыль от продажи товаров (руб.).

Поскольку коэффициент k при эластичном спросе, как отмечалось выше, отрицателен, то функция прибыли $P(x)$ имеет максимум, а также **интервал безубыточности** (в точках пересечения графика с осью абсцисс). Дифференцируя выражение (3), отыскиваем цену,

³ Почему предполагается, что зависимость (1) линейна?

Действительно, экономическим процессам на длительных промежутках времени свойственна нелинейность. А потому разумными временными рамками для такого рода анализа будут данные за два смежных периода времени, на которых нелинейность минимальна. Это означает, что функция $y(x)$ может быть построена на основе временного ряда, состоящего из двух точек (рис.2). Следовательно, при отсутствии иных экзогенных предположений о характере функции $y(x)$ линейная функция окажется единственным претендентом для математической формализации временного ряда из двух точек – в нашем случае зависимости спроса от цены.

Если, далее, из года в год строить подобные линейные зависимости для двух последних лет (вероятнее всего, каждый год коэффициенты k и b будут разными) и соединять их последовательно между собой, то мы в итоге получим кусочно-линейную функцию (сплайн). Эта функция по мере роста цен или, наоборот, их снижения, будет обладать свойством насыщения. При достижении определенного уровня цены – как снизу, так и сверху – данная зависимость в целом будет выглядеть нелинейной, когда объем продаж или очень мало зависит, или практически уже не зависит от изменения цены.

Парадокс в том, что эту кусочно-линейную функцию в чистом виде нельзя применять в расчетах. Будучи сложена из кусков, полученных в разные годы, она будет ... "кусочно-достоверной", то есть каждый ее линейный отрезок справедлив для того интервала, для которого получен. Другими словами, эта функция на свой лад исторична, то есть справедлива для отрезков времени, который из которых можно принять равным $\Delta t \rightarrow 0$.

соответствующую максимуму прибыли $P(x)$: $X_p = \frac{1}{2}[vc] - \frac{1}{2} \cdot \frac{b}{k}$.

Но прежде чем получить прибыль, фирма должна продать товар и получить выручку от ее продажи. Выручка же есть платежеспособный спрос на уровне фирмы. Представив ее в виде зависимости от цены x , получаем функцию $D(x)$:

$$D(x) = x y(x) = x(kx + b) = kx^2 + bx \quad (4), \text{ где}$$

$D(x)$ – выручка от продажи товаров (руб.).

Как и функция $P(x)$, функция $D(x)$ при эластичном спросе, то есть при отрицательном значении k , имеет максимум в точке $X_D = -\frac{1}{2} \cdot \frac{b}{k}$. Таким образом, при прочих равных условиях для точек экстремума функций справедливо соотношение $X_D < X_p$.

Для удобства сравнений обе функции представлены на рис.4. Наличие экстремума прибыли и выручки имеет экономический смысл, выражающийся в том, что экономическая система при эластичном спросе не терпит произвольно-субъективных соотношений цены x , объема продаж $y(x)$, себестоимости единицы товара $z(x)$, а также постоянных и переменных затрат. Наоборот, экономическая система, если это даже одна фирма, при эластичном спросе функционирует в режиме внутренней оптимизации⁴, внешне проявляющейся в компромиссе максимальных значений прибыли $P(x)$ и платежеспособного спроса $D(x)$.

При этом формальные рамки компромисса достаточно узкие – это интервал между двумя максимумами, то есть компромиссная цена x , обеспечивающая оптимальное сочетание интересов фирмы (максимум прибыли) и потребителя (максимум потребления), определяется двойным неравенством $X_D \leq x \leq X_p$.

Система, оказавшись в зоне оптимума $X_D \leq x \leq X_p$, должна обрести важное системное свойство: она переходит в устойчивое состояние, в чем-то родственное явлению гомеостаза физических систем. Это означает, что, при прочих равных условиях, система в этом состоянии может находиться сколь-угодно долго. Конечно, из формул и графиков это напрямую не следует, но кибернетика, о которой сейчас редко вспоминают, как экономическая дисциплина начиналась именно с вопроса обеспечения устойчивости экономических систем, используя при этом в качестве аналогии именно гомеостатические физические системы.

В рассмотренной модели в неявной форме содержится очень важное допущение, а именно – покупатели располагают объемом денежных средств, в точности соответствующим выручке фирмы $D(x)$. Иначе говоря, платежеспособный спрос на уровне фирмы был представлен как категория, вторичная по отношению ценам и меняющаяся в зависимости от последних, поэтому обозначим эту модель как модель эластичного развития.

Сказанное выше – что количество денег в экономике определяется ценами, – весьма смелое, хотя и не первое среди подобных, заявление на фоне количественной теории денег. Как известно, количественная теория денег исходит как раз из обратного – что цены определяются количеством наличных денег. Но не стоит забывать, что данный тезис количественной теории тоже есть постулат, который находит мало подтверждений в прошлом и еще меньше сейчас. Именно поэтому высказанная выше гипотеза – что цены диктуют количество денег – возможно, найдет больше подтверждений и в прошлом, и в особенности настоящем, и уж точно в последних семи-восьми годах развития нашей денежной системы.

Однако так бывает далеко не всегда. Правильнее даже, рассмотренная эластичная модель на сегодняшний день представляет собой теорию, нежели практику рыночных отношений.

В условиях относительно бескризисного развития, какое наблюдается последние 20 лет в США и странах Западной Европы, а последние восемь лет в нашей стране, реализуется

⁴ Подробности в статье «Опыт учета переменных и постоянных затрат при принятии некоторых классов управленческих решений» (Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия «Менеджмент». - 2005. - Вып.3).

экономический сценарий, отличающийся от изложенной выше эластичной модели. В частности, имеет место умеренная инфляция, то есть цены растут, однако реальное потребление при этом не снижается, как это следовало бы из эластичной модели. а также растет, то есть ценовая эластичность внешне отсутствует. В показателях макроэкономики это выражается в более быстрых темпах роста номинального ВВП по сравнению с реальным (табл.1).

Почему в этом случае исчезает (хотя бы внешне) эластичность спроса – неудивительно.

Национальный центральный банк увеличивает денежную массу в большей степени, чем могут поглотить возросшие цены. В силу этого у покупателей появляется возможность не только компенсировать возможное сокращение спроса вследствие ценовой эластичности, но даже приобрести больше, чем при прежних, более низких ценах.

Таким образом, денежная политика Центрального банка невольно оказывается заложником инфляции, диктуемой фирмами. Эта политика не ставит целью устранение инфляции как социально-экономического зла – она как бы задабривает ее; вместо того, чтобы устранить причины болезни и избавиться от нее раз и навсегда, эта политика подстраивается под болезнь, своими действиями де-факто объявляя ее вечной и неизлечимой. В итоге Центральный банк невольно становится заложником инициатором инфляции, которая, разрастаясь, требует все большего и большего.

Формализуем этот процесс посредством тех же переменных, что и построенная выше модель. Выражения (1)-(4) останутся справедливыми, но, поскольку мы предполагаем, что с ростом цены x объем продаж $y(x)$ тем не менее увеличивается, то это означает, что коэффициент k будет величиной положительной. Но в этот раз он уже не служит показателем эластичности спроса от цены. Он показывает, в какой степени инфляция компенсируется ростом денежной массы, поэтому для данной модели, несмотря на ее математическое тождество с предыдущей, оправдано название модели псевдоэластичного развития.

То, что экономическое содержание данной модели имеет принципиальные различия с изложенной выше, иллюстрируют графики (рис.5-7).

В соответствии с принятым предположением, что денежный фактор нейтрализует инфляцию и даже перекрывает ее, объем продаж фирмы $y(x)$ превратился в линейно возрастающую функцию (рис.5), тогда как себестоимость единицы товара $z(x)$, наоборот, в убывающую (рис.6). Это повлекло фатальные последствия для функций прибыли $P(x)$ и выручки $D(x)$ (рис.7).

Функция прибыли $P(x)$ обретает минимум, то есть для фирмы в качестве ориентира выступает цена X_p , при которой фирма имеет минимальную прибыль или даже убыток. От функции выручки $D(x)$ остается только возрастающая ветвь в области положительных значений цены x , то есть в той части координатной оси, в которой данная функция экономически содержательна; левая ветвь исчезает, потому что отрицательных цен не бывает.

Одновременное существование функций прибыли $P(x)$ и выручки $D(x)$ означает, что фирма, стремясь увеличить прибыль и преследуя одновременно цель увеличить объем продаж (ибо без продаж не будет и прибыли), обязана или повышать, или понижать цену по сравнению с ценой глобального минимума X_p , то есть фирма должна всемерно удаляться от X_p .

В свою очередь, выручка, чтобы действительно стать таковой, обязана найти адекватный объем денежной массы на руках покупателей. Но, в отличие от эластичной модели, точкой глобального экстремума функции выручки $D(x)$ на этот раз является цена $X_D = 0$. Приближение объема продаж к точке экстремума противопоказано системе, поскольку это есть коллапс системы: согласно рис.5 и рис.6, деятельность фирмы в точке экстремума X_D свернется в точку, то есть в экономически мнимую величину.

В отличие от предыдущей модели, ценовой интервал $X_D \leq x \leq X_p$ неприемлем, ибо две его крайние точки есть точки, противоречащие интересам фирмы (максимизация прибыли) и интересам потребителей (рост потребления через рост продаж). В псевдоэластичной системе для фирмы остается только один вариант развития – это увеличение цены по сравнению с X_p ,

то есть цена фирмы оказывается бесконечно растущей величиной: $X_p > x$

Система псевдоэластичного развития, в которой денежная масса формируется под давлением цен без учета эластичности спроса, чтобы сохранить себя как нечто целостное, вынуждена функционировать не в направлении оптимума, а, напротив, в направлении от оптимума. Система уходит от себя самой, то есть разрывается противоречивыми тенденциями: с одной стороны – внутренне присущий, но нежелательный оптимум-коллапс, с другой – необходимость функционирования вопреки этому внутренне присущему оптимуму.

Об устойчивости такой модели развития речи нет, причем не только в долговременном плане (как гомеостатической устойчивости эластичной модели развития), но даже в кратковременном. В лучшем случае возникает особая разновидность устойчивости, как цикличность чередующихся периодов роста, кризиса и стагнации, то есть модель псевдоэластичного развития неизбежно дополняется моделью эластичного развития в периоды кризисов и стагнации – как лекарственное средство для больного.

В заключение сравним экономические последствия обеих моделей:

- в случае модели эластичного развития довольны все без исключения: и Центральный банк, который увеличил денежную массу, но не подстегнул инфляцию, за что заслужил лестные отзывы прессы и профсоюзов; продавцы, которые снизили цены, но зато увеличили прибыль и остались довольны партнерами, также снижавшими цены; покупатели, которые благодаря снизившимся ценам получили возможность покупать больше;
- в случае модели псевдоэластичного развития продавцы увеличили цены и прибыль, но при этом остались недовольны действиями своих партнеров, которые тоже повысили цены; покупатели получили возможность приобрести больше товаров, но радость была омрачена ложкой дегтя в виде инфляции, съевшей известную долю возросших доходов; Центральный банк, хотя он, как мог, старался для продавцов и покупателей, увеличивая денежную массу, тем не менее получил упрек от прессы и профсоюзов, на все лады муссировавших вопрос, какой долей инфляции экономика была обязана монетарному фактору.

Очевидно, что говорить об альтернативности данных моделей не приходится. Разумная стабильность цен, а тем более снижающиеся цены – немаловажный показатель для оценки качества функционирования экономики, поэтому модель эластичного развития, конечно же, предпочтительнее. И хотя в настоящее время современным рынком – как отдельно взятым национальным, так и мировым, – фактически реализуется модель псевдоэластичного развития, данный факт не делает ее и последствия ее реализации лучше.

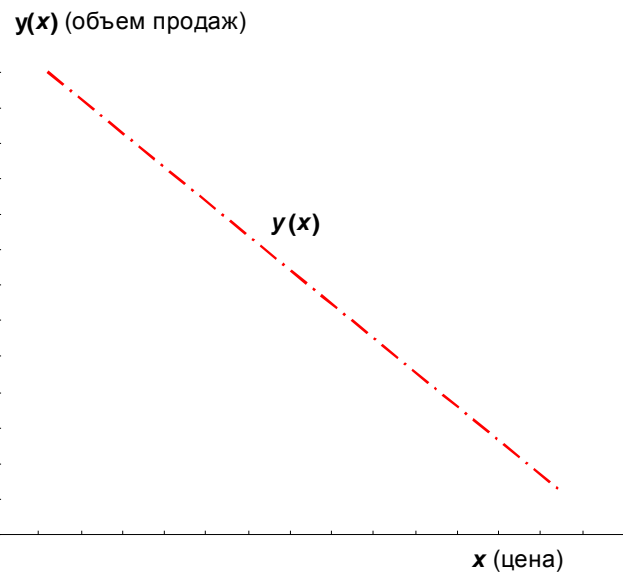

Рис.2. Зависимость объема продаж от цены.

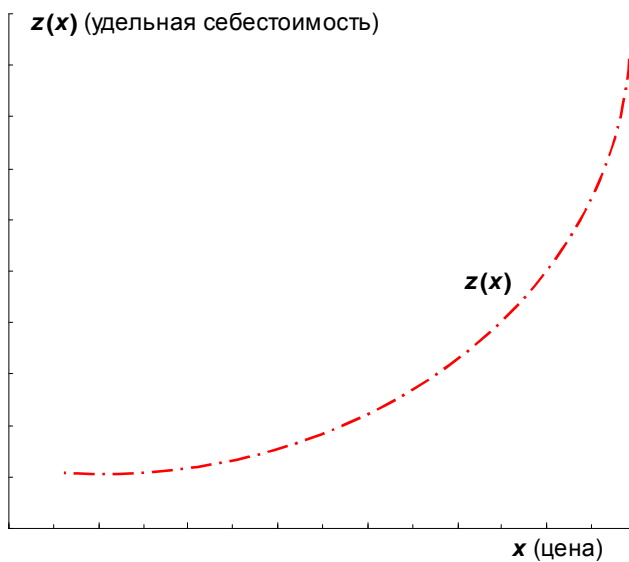

Рис.3. Зависимость удельной себестоимости от цены

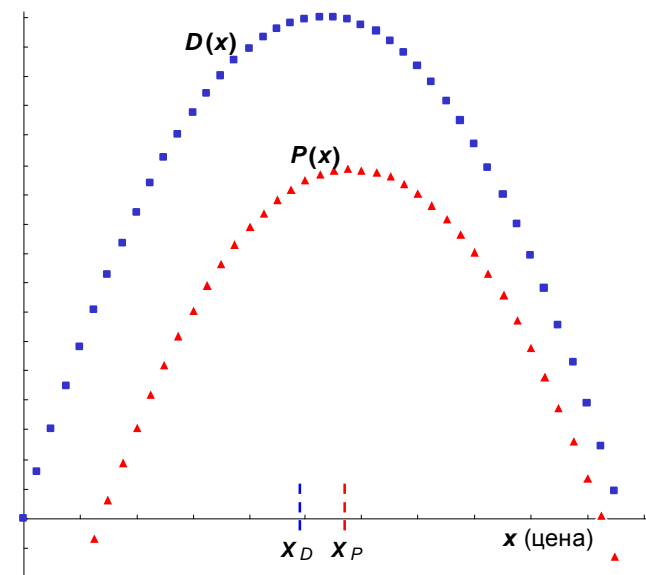

Рис.4. Зависимость прибыли и выручки от цены

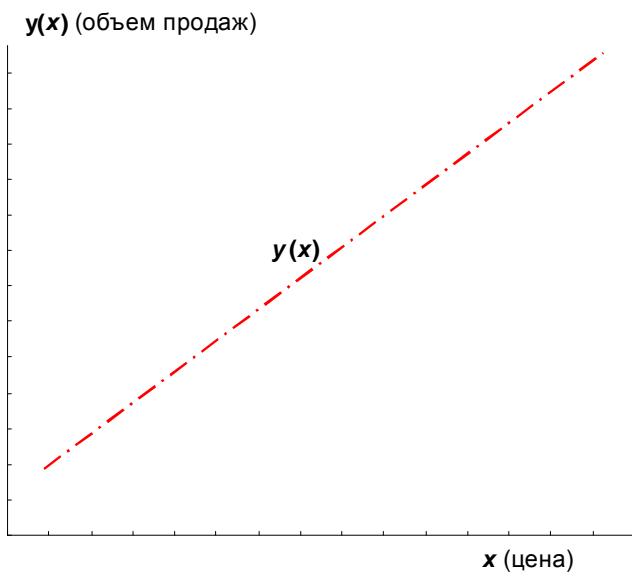

Рис.5. Зависимость объема продаж от цены.

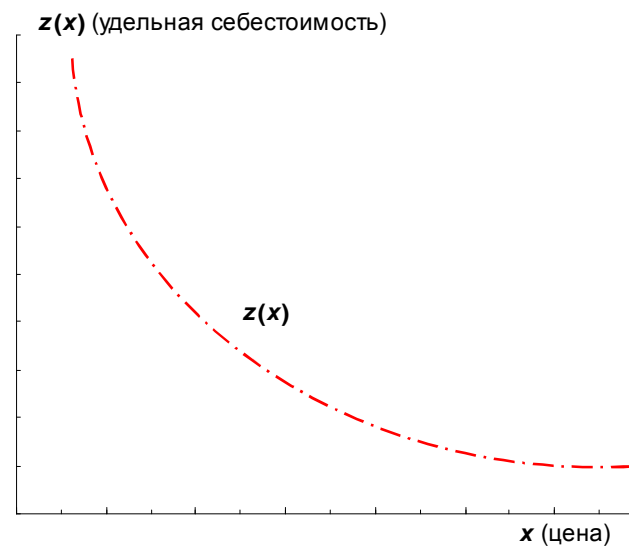

Рис.6. Зависимость удельной себестоимости от цены

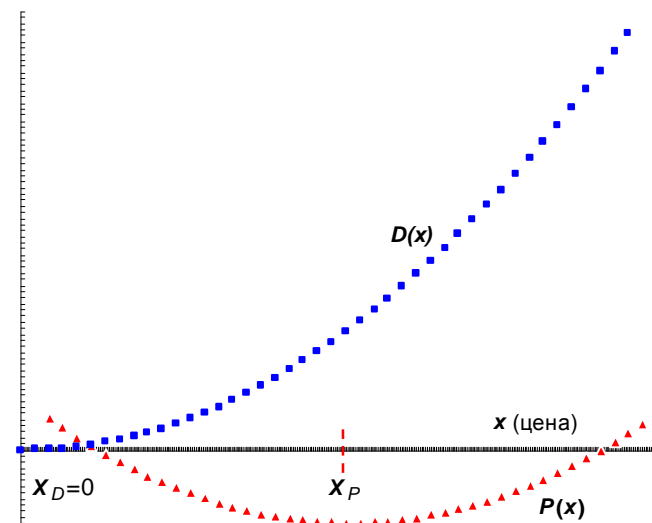

Рис.7. Зависимость прибыли и выручки от цены

3. Антиинфляционный парадокс растущей денежной массы

Предположим, что каждая фирма, две модели развития которой были рассмотрены выше, есть типичное для экономики явление, то есть она является ее репрезентативным срезом.

Иначе говоря, воспользуемся индуктивным методом – менее знаменитым, чем дедуктивный, но в отличие от последнего, в науке значительно более полезным. Этот прием позволит нам провести методологическую связь между первой частью, в которой рассматривался микроэкономический аспект производства и денежного обращения, и второй частью, в которой предметом исследования станет уже макроэкономика в целом.

Выше мы говорили о выручке фирмы, предполагая ее равной платежеспособному спросу на товары фирмы. С точки зрения макроэкономики это означает, что совокупный платежеспособный спрос покупателей, если его рассматривать как произведение денежной массы на скорость обращения денег⁵, должен быть равен сумме выручки всех фирм, то есть сумме произведений цен производимых ими товаров на количества товаров. Другими словами,

$$Mv = D = \sum xy(x) \quad (5), \text{ где}$$

- D – совокупный платежеспособный спрос покупателей;
- M – денежная масса;
- v – скорость обращения денег;
- $y(x)$ – реальный объем продаж товаров и услуг;
- x – цена товара (цена за единицу натурального измерителя).

Выше мы уже определились, что возможны два варианта увеличения выручки фирм, из которых предпочтительнее модель эластичного развития, предполагающая умеренное снижение цен, сопровождающееся ростом продаж и ростом прибыли фирмы.

Но если выручка фирм, то есть платежеспособный спрос, растет, то должен возрасти и валовой оборот денег, то есть произведение денежной массы M на скорость ее обращения v .

С точки зрения формальной логики, для увеличения платежеспособного спроса D , казалось бы, абсолютно безразлично, что должно расти – денежная масса M или же скорость обращения v .

На самом же деле, если вспомнить эмпирический вывод из первой части статьи, а также все, что известно о денежном обращении из экономической литературы, начиная от И.Фишера и заканчивая М.Фридменом, высокое значение скорости обращения денег есть признак слабости денежной системы страны, своеобразная количественная мера "аргентинского синдрома". А это нужно понимать в том смысле, что формальная эквивалентность параметров M и v в выражении (5) вовсе не означает их эквивалентности в реальной жизни. При прочих равных условиях для увеличения платежеспособного спроса D , то есть валового оборота денег, необходим только рост денежной массы M , происходящий на фоне стабильной, а еще лучше – снижающейся скорости обращения денег v .

Иначе говоря, чтобы снижение цен x в эластичной модели развития, если считать ее типичной для экономики, обернулось не только ростом реального объема продаж $y(x)$, но и ростом выручки $xy(x)$ и прибыли продавцов, необходим постоянный рост денежной массы M , при котором последняя непрерывно заполняет "ценовой вакуум", образующийся в результате снижения цен. Без этого условия эффект от снижения цен для продавцов будет в лучшем случае нулевой, в худшем отрицателен, а потому продавцы, подержав какое-то время пониженные цены, будут вынуждены восстановить существовавший до этого понижения статус-кво, то есть обратно вернуться к прежнему уровню цен.

Таким образом, модель эластичного развития, чтобы стать типичной для всей экономики, предполагает, что экономика постоянно, в режиме реального времени, решает

⁵ Нужно иметь в виду, что в данном случае имеется в виду **теоретическая скорость денежного обращения**, представленная в формуле денежного обращения И.Фишера: $MV = PY$, где M – количество денег, V – скорость обращения денег, P – уровень цен, Y – реальный объем производства товаров и услуг. На практике же в качестве скорости обращения денег принимают **расчетную величину**, равную отношению ВВП к денежному агрегату M2.

сложную задачу силами трех действующих лиц: продавцов, Центрального банка и покупателей: продавцы обеспечивают снижение цен, Центральный Банк оперативно обеспечивает адекватное рыночному эффекту от снижения цен приращение денежной массы, а покупатели, пользуясь предоставленными продавцами и Центральным Банком возможностями, увеличивают свой платежеспособный спрос.

Выражение (5), записанное в виде тройного равенства, для наглядности может быть интерпретировано как трехсторонняя ответственность: за уровень Mv несет ответственность Центральный банк, за уровень $xu(x)$ отвечают продавцы, а окончательный баланс между Центральным банком и продавцами, то платежеспособный спрос D , обеспечивают покупатели:

Mv	$=$	D	$=$	$\sum xu(x)$
Центральный банк				Покупатели Продавцы

И если это тройное равенство будет соблюдено, то мы получаем уже не просто модель эластичного развития, а нечто более существенное: во-первых, реальный экономический рост; во-вторых, рост денежной массы; в-третьих, дефляцию, то есть инфляцию со знаком минус; в-четвертых, в качестве интегрального эффекта – укрепление национальной валюты по отношению к мировым валютам. Возникает внешне парадоксальный результат, который в настоящее время еще не реализован в практике рыночного хозяйства, но, как будет показано ниже, в свое время уже предсказывался.

Возможность этой парадоксальной денежной гармонии иллюстрируют рис.8-10.

На рис.8 показаны шесть возможных вариантов динамики платежеспособного спроса D при изменении цены x (ось абсцисс) и изменении реального объема продаж $y(x)$ (ось ординат) под влиянием эластичности спроса. Почему для цен отведена ось абсцисс, а для реального объема продаж ось ординат – очевидно: с точки зрения эластичности покупательского спроса логично рассматривать как аргумент именно цены, а объем продаж соответственно как функцию от данного аргумента. Сначала отметим, что две модели развития можно поставить в соответствие какому-либо вектору на рис.8.

В частности, для модели эластичного развития соответствуют четыре вектора:

- $\overrightarrow{OC}$ – при снижении цен, но не ниже X_D ,
- $\overrightarrow{OF}$ – при повышении цен выше цены X_D ,
- $\overrightarrow{OB}$ – при снижении цен не выше цены X_D ;
- $\overrightarrow{OE}$ – при повышении цен не выше цены X_D .

В свою очередь, для модели псевдоэластичного развития соответствуют два вектора (это связано с тем, что функция выручки, или платежеспособного спроса $D(x)$, в этой модели представлена лишь восходящей ветвью для положительных значений цены x :

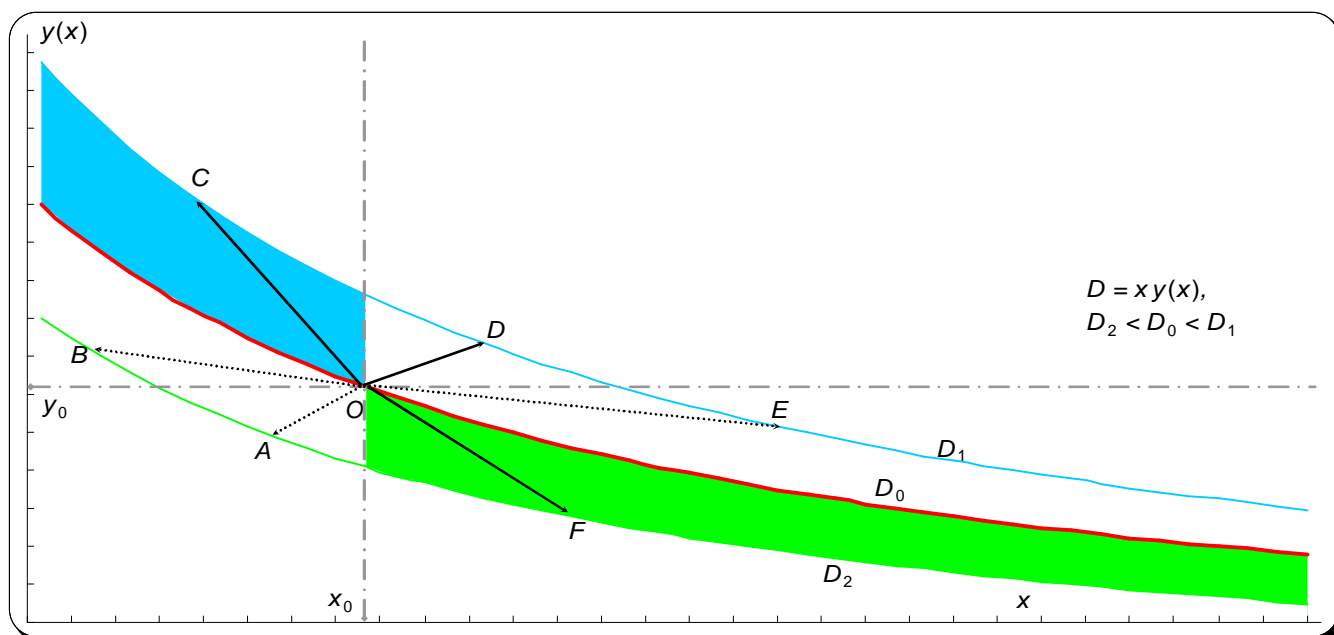
- $\overrightarrow{OD}$ – при повышении цен выше цены X_p ,
- $\overrightarrow{OA}$ – при снижении цен ниже цены X_p .

Теперь охарактеризуем эти же векторы, но уже со ссылками на реальную экономику в реальные периоды времени.

$\overrightarrow{OE}$ показывает ситуацию, когда рост цен через эластичность спроса приводит к снижению реального объема продаж товаров и услуг, но при этом платежеспособный спрос D , равный выручке предприятий $xu(x)$, растет. Именно такая картина наблюдалась в российской экономике в 1992-98гг.: цены росли, эластичность спроса приводила к падению реального ВВП,

но выручка предприятий и номинальный ВВП из года в год стабильно возрастали.

Рис.8. Векторы экономического развития в координатах цен и реального объема продаж товаров

$\vec{OD}$ справедлив не только для псевдоэластичной модели. Это еще и сегодняшнее состояние нашей экономики. Цены растут, но механизм эластичности спроса полностью или частично заблокирован денежной политикой Центрального банка, и в итоге, вопреки росту цен, реальный объем продаж товаров, а значит, и выручка фирм $xu(x)$, тоже возрастает. В системе национальных счетов это выражается в росте как номинального, так и реального ВВП.

С точки зрения макроэкономики действие рыночного регулятора в виде эластичности спроса в 1992-98гг. и, напротив, его бездействие в 1999-2003г. есть не очень хороший знак. Его нужно понимать в том смысле, что если в 1992-98гг. мы худо-бедно, но имели некое подобие саморегулирующегося рынка, то сейчас мы имеем экономику, которая благодаря притоку нефтедолларов стимулирует рост производства и потребления безотносительно к росту цен, на манер банального дотирования.

$\vec{OC}$ справедлив в единичных случаях, в периоды сезонных снижений цен: цены снижаются, объем производства благ и услуг под влиянием эластичности спроса растет, растут также равные друг другу платежеспособный спрос D и выручка продавцов $xu(x)$. В действительности этот случай типичным ни для России, ни для мира в целом не является. Разумеется, этот вектор был бы благом для страны, но вот вопрос: возможен ли он в принципе?

На это можно ответить следующим:

- во-первых, вектор $\vec{OC}$ в чистом виде действительно не свойствен какой-либо экономике мира. Однако направленный вверх от точки O вектор (с небольшими колебаниями влево-вправо), характеризует экономику развитых стран Европы, США и Азии последнего десятилетия, для которого были характерны рост реального объема продаж при неизменных ценах или очень незначительной инфляции. Косвенно, но это подтверждает, что ценовой фактор действительно может регулировать не только спрос на уровне микроэкономики, но и являться макроэкономическим регулятором;
- во-вторых, история экономического возрождения Советского Союза, Германии, Японии и ряда других стран после первой и второй мировой войн была ни чем иным, как реализацией именно данного сценария. Нужно просто учесть, что снижение цен в этих странах после каждой из войн было не слишком очевидным: оно было завуалировано двумя факторами – послевоенной конверсией и денежными реформами, – но тем не менее оно было, и весьма значительное;
- в-третьих, хотелось бы обратить внимание на один любопытный факт. В своей книге "Если

бы деньги заговорили..." М.Фридмен на заключительных страницах в иронично-самокритичной форме высказал мысль, что для непрерывного увеличения всеобщего богатства нужно ... **постоянно снижать цены**. Это и тогда, и сейчас это звучит таким диссонансом всему, что известно о ценах из экономической практики и теории, что последователи М.Фридмена – как его современники, так и нынешние, – предпочитают не комментировать эту идею. Зато критики его теории никогда не забывали, и не без злорадства, напомнить, как они считали, об этом его глубочайшем заблуждении, свидетельствующем о порочности количественной теории денег. Но, может быть, мэтр все-таки был выше и своих последователей, и своих критиков? Может быть, он интуитивно чувствовал то, что в данной статье доказывается (или, по крайней мере, показывается) математически? (О том, как могла возникнуть догадка М.Фридмена, чуть ниже, в комментариях к рис.9).

$\overline{OB}$ показывает довольно экзотический сценарий: цены снижаются, под влиянием эластичности спроса реальный объем продаж товаров и услуг растет, а вот платежеспособный спрос D падает. Иначе говоря, при прочих равных условиях реальный ВВП также растет, а вот номинальный снижается. Возможно ли такое? Не стану утверждать этого безоговорочно, но, на мой взгляд, есть страны, которым остается только этот выбор: Япония, Швейцария и Тайвань. С одной стороны, их денежную массу можно охарактеризовать как избыточную, а скорость обращения денег как низкую. С другой – эти страны держат в мире первенство по уровню цен и одновременно по уровню жизни тоже. Не является ли залогом их дальнейшего экономического прогресса снижение цен? – эту мысль будет развита ниже, в комментариях к рис.9-10. Кстати сказать, кандидатом в этот "клуб" могут стать и сами США, если учесть, какая доля их национальной валюты "эмигрировала", а также опыт истории, показывающий, что блудные сыновья только и ждут, чтобы вернуться обратно.

$\overline{OA}$ формируется, если падает цена и одновременно падает производство, – то есть данный рынок также не показывает явных признаков эластичности спроса. Мы видим, что в итоге сокращается в целом платежеспособный спрос. Это гипотетический сценарий, возможный в случае, когда уровень потребления в обществе в силу уровня его развития начинает зависеть не столько от цен и эластичности спроса, сколько от иных факторов – экологических, медицинских, социальных и т.п. Если учесть, что в развитых странах Северной Европы (Финляндия, Швеция, Норвегия, Исландия) идея перехода от общества массового потребления к обществу разумного потребления завоевывает все больше сторонников, то данный вариант также имеет шансы стать реальностью. (Правда, не стоит забывать, что его логическим финалом может стать реализация лозунгов типа "назад к природе!" и "голый человек на голой земле"; хотя, впрочем именно такой финал и без громких лозунгов был почти что на пороге российской экономики всего десятилетие назад).

$\overline{OF}$ справедлив, если цены растут, и в силу эластичности спроса реальный объем продаж $y(x)$, выручка продавцов $xu(x)$ и соответственно платежеспособный спрос D падают. Пусть даже рынок демонстрирует образцовую эластичность, но это есть дикий, наихудший с точки зрения покупателя рынок, ибо он игнорирует покупателя; это рынок самоедский, поскольку он уничтожает часть самого себя в лице покупателя. Словом, это рынок без будущего, ибо он рубит сук, на котором сидит.

Итак, мы имеем шесть возможных сценариев экономического развития в координатах цен и реального объема продаж товаров и услуг. Можно говорить еще о четырех граничных вариантах, когда или цена x , или реальный объем продаж $y(x)$ постоянны, то есть эти четыре вектора будут направлены строго вдоль вертикальной или горизонтальной координат точки O – соответственно вверх (вниз) или влево (вправо). Но так как эти варианты приводят к тем же следствиям, что и рассмотренные выше шесть векторов и соответственно могут быть объяснены как их частные случаи, то повторяться не буду. Наконец, возможны еще два варианта, когда меняются цена x и реальный объем продаж $y(x)$, при этом данные изменения взаимно уравновешивают друг друга, и в результате выручка $xu(x)$ и соответственно платежеспособный спрос D остаются прежними. Иначе говоря, скачка с со средней гиперболы

на другую (выше или ниже), как это имело место в случае векторов, изображенных на рис.8, не происходит. Но поскольку это опять же частные случаи векторов $\vec{OC}$ или $\vec{OF}$, то соответственно окажутся справедливы аналогичные выводы.

Теперь с помощью рис.9 исследуем те же самые шесть возможных векторов экономического развития, но уже в координатах скорости денежного обращения v (ось абсцисс) и денежной массы M (ось ординат).

Если принять во внимание общепринятое представление о координатных осях, то может возникнуть резонный вопрос: а почему, собственно говоря, скорости денежного обращения v присвоен формальный статус аргумента, тогда как денежной массе M – формальный статус функции? Насколько это обоснованно? Не правильнее ли поступить как раз наоборот – денежной массе отвести ось абсцисс, а скорость денежного обращения ось ординат – ведь, по логике вещей, Центральный банк управляет денежной массой M , а вот на скорость денежного обращения v непосредственно повлиять он не в состоянии?

На этот возможный вопрос я должен сказать, что если даже мы не знаем, как измерять скорость обращения денег непосредственно, то это не значит, что данная скорость есть нечто неосоздаваемое и виртуальное, имеющее место только в формальных математических моделях денежного обращения как производная величина от других экзогенных переменных.

Исторические закономерности, присущие денежному обращению, позволяют предположить, что, несмотря на его недоступность прямому измерению и обусловленный этим сугубо механический способ установления величины скорости денежного обращения (допустим, как отношение ВВП к денежной массе), этот параметр есть имманентно присущая денежной и экономической системе характеристика.

Очень может быть, что именно она является первичной по отношению к денежной массе, если даже Центральный банк запротестует против такой расстановки приоритетов. Иначе очень трудно (а скорее всего, и невозможно) объяснить спектральный характер скоростей денежного обращения, явно коррелирующий с типом экономической динамики: страны со средней скоростью денежного обращения демонстрируют преимущественно экономический рост, страны с пониженной скоростью склонны скатываться в состояние рецессии, а страны с повышенной скоростью не могут уйти из-под дамоклова меча "аргентинского сценария". Эту ситуацию можно было бы объяснить тем, что величина скорости обращения денег находится в обратной зависимости от степени доверия страны к своей же национальной валюте. Чем выше доверие населения страны к своему национальному достоянию в виде родной валюты, тем ниже скорость обращения денег, то есть деньги тратятся более бережно и экономно (проявляется пресловутая склонность к сбережениям), и наоборот.

И если это так, то становится возможным провести параллель с ценами и объемом продаж. Как известно, продавец теоретически может вынести на рынок сколько угодно товаров, но фактический объем продаж будет зависеть от платежеспособного спроса, то есть будет иметь место причинно-следственное кольцо: продавец своими ценами формирует спрос покупателя, а последний, в свою очередь, своим спросом определяет реальный объем продаж.

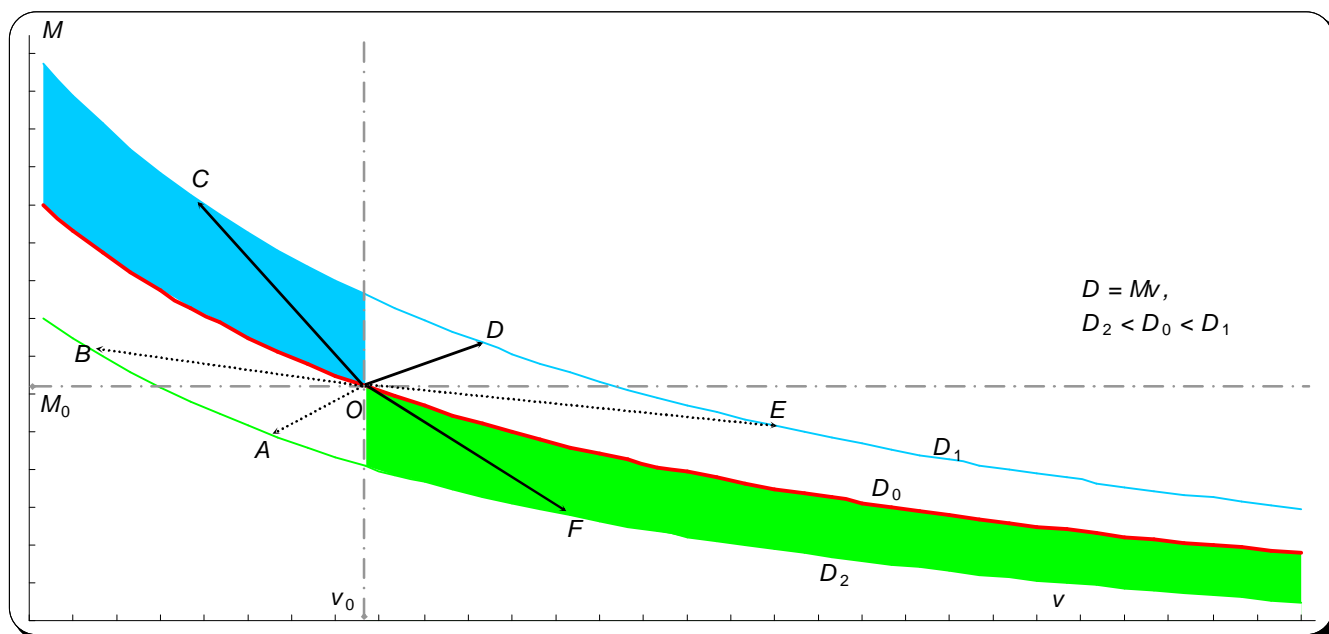
Аналогичное кольцо взаимозависимости в денежном обращении может выглядеть так.

Ответственные за денежное обращение государственные органы, формируя разнообразными телодвижениями (их арсенал невелик – ревальвация и девальвация, курс к другим валютам, воспитание уважения к родной валюте или же пренебрежение, косвенно формируемое средствами массовой информации) определенное отношение населения к национальной валюте (или как к богатству, или как к хлам), фактически устанавливают, сами того даже не осознавая, скорость обращения денег. Со своей стороны, экономика и население замыкают кольцо, реагируя на эту скорость денежного обращения в форме спроса на национальную валюту, и соответственно данный спрос удовлетворяется государством в лице Центрального Банка путем формирования денежной массы.

Конечно, такое объяснение зависимости между скоростью обращения денег и денежной массой (как системы с обратной связью), на первый взгляд, несколько искусственное. Но я должен заметить, что имеющиеся на сегодняшний день объяснения денежного феномена, включая и модели М.Фридмана, тоже не есть полученные извне эзотерические знания – все они

суть формально-логические модели с элементами субъективных предположений и гипотез, преследовавшие целью выявление закономерностей денежного обращения. Мое объяснение зависимости между скоростью обращения денег и денежной массой не лучше и не хуже их – оно тоже формальное, и тоже ставит целью поиск законов, определяющих роль и место денег в экономике. А потому, если мое предположение о том, что денежная масса функционально зависит от скорости обращения денег, приведет к новым знаниям, которые пригодятся на практике, то это и будет наилучшим подтверждением того, что, по крайней мере, на сегодняшний день такая гипотеза оправдана.

К каким выводам можно прийти, анализируя векторы на рис.9?

Рис.9. Векторы экономического развития в координатах скорости денежного обращения и денежной массы

В 1992-97гг. скорость денежного обращения в нашей экономике росла, с 1998г. она медленно снижается, тогда как денежная масса все это время возрастала. Учитывая, что выручка предприятий $x(x)$ и платежеспособный спрос D в 1992-2003гг. постоянно росли, то это означает, что если в 1992-97гг. развитие денежного хозяйства страны определялось вектором $\overrightarrow{OD}$, то в 1998-2003гг. – уже вектором $\overrightarrow{OC}$. Вектор денежного хозяйства оба периода был смещен на один сектор вперед по сравнению с вектором реального сектора (напомним, согласно рис.8, для 1992-98гг. был справедлив вектор $\overrightarrow{OE}$, а для 1999-2003гг. – вектор $\overrightarrow{OD}$).

Далее, еще раз вспомнив о спектральном характере скоростей денежного обращения, мы можем сделать еще одно обобщение.

Не будет преувеличением сказать, что правительство любой страны, пусть даже не афишируя это явно, стремится к тому, чтобы сделать национальную валюту сильной как внутри страны, так и вне ее (в какой мере это удастся, и удастся ли вообще – это уже другой вопрос). А следовательно, при прочих равных условиях (к таковым в первую очередь следует отнести политику наращивания денежной массы – ибо прецедентов сокращения денежной массы на сегодняшний день в мире пока еще нет), векторы $\overrightarrow{OD}$ и $\overrightarrow{OC}$ оказываются единственными, которые представлены во всех странах мира: если реальный сектор в кризисе или стагнации, то денежное хозяйство стремится развернуться в направлении $\overrightarrow{OD}$; как только ситуация в реальном секторе улучшается, денежное хозяйство разворачивается в направлении $\overrightarrow{OC}$.

Возможен, но больше теоретически, еще вектор $\overrightarrow{OB}$. Но такой сценарий должен сопровождаться снижением платежеспособного спроса D и выручки предприятий $x(x)$, то есть это было бы равносильно снижению номинального ВВП (правда, последние несколько лет на грани этого варианта балансировала Япония).

Говоря о векторе $\overline{OC}$ на рис.8, вспомним о М.Фридмене. Выше было сказано, что он видел залог увеличения всеобщего богатства в снижении цен. Не исключается, что такая мысль могла появиться у мэтра в результате сопоставления им между собой следующих факторов:

- он не мог не обнаружить, что снижение скорости обращения денег для экономики предпочтительнее, чем рост, так как последний есть признак слабости денежной системы;
- кроме того, он предложил денежную формулу, предполагавшую наращивание денежной массы с постоянным темпом;
- далее, в своих моделях он исходил из экономического роста, выражавшегося в увеличении номинального и реального ВВП;
- наконец, признавая факт инфляции, он все-таки считал ее злом и искал способ если не избавиться от нее окончательно, то хотя бы минимизировать ее величину.

И если собрать все это вместе, то это будет означать, что М.Фридмен фактически оперировал вектором $\overline{OC}$ как на рис.9, так и на рис.8, поскольку любая другая комбинация, позволяющая одновременно остаться в рамках принятых им допущений и в рамках формулы денежного обращения И.Фишера, невозможна. Мэтр интуитивно понял, что источник всеобщего богатства – это действительно наращивание денежной массы на фоне снижающихся цен; он лишь не сделал шаг в направлении математической формализации своей догадки.

После этих слов осталось перейти к комментариям для последнего графика из серии векторов экономического развития (рис.10). Здесь те же три гиперболы платежеспособного спроса D , равные величинам Mv и $xy(x)$. Здесь также шесть векторов, но в отличие от предыдущих графиков, они формируются уже под влиянием сразу всех четырех факторов, представленных в формуле денежного обращения И.Фишера. Факторы размещены попарно: задаваемая государством скорость денежного обращения v и регулируемые продавцами цены x представлены как два аргумента (две горизонтальные оси – нижняя и верхняя соответственно), а денежная масса M и реальный объем продаж $y(x)$ и приведены как функции от соответствующего аргумента (две вертикальные оси – левая и правая соответственно). Кроме того, между $\overline{OD}$ и $\overline{OC}$ появился новый вектор $\overline{OG}$, соответствующий случаю, когда цены и скорость денежного обращения постоянны, а меняются лишь реальный объем продаж и денежная масса. Забегая вперед, сразу отмечу, что вектор $\overline{OG}$ есть сценарий статичных финансов, которые имеют место в концепции Дж.М.Кейнса, опирающейся на гипотезу о нейтральности денег.

Итак, о чем говорит последний график?

Очевидно, что при прочих равных условиях любое общество заслуживает благоденствия в виде растущего благосостояния при неизменных ценах и неизменной скорости обращения денег, что означает развитие по вектору $\overline{OG}$, то есть в соответствии с концепцией Дж.М.Кейнса. Такой сценарий есть тайная мечта любого правительства в любом государстве, поскольку он есть предпосылка для социальной стабильности, вплоть до полной социальной апатии подданных (а что еще нужно для правительства, кроме послушного электората)? Еще более благоприятный ход событий может иметь место, если вспомнить предсказание М.Фридмена, то есть в направлении $\overline{OC}$ (правда, правительства об этом даже мечтать не смеют): цены снижаются; реальный объем продаж под влиянием эластичности спроса растет; скорость денежного обращения тоже снижается (напомню, мной выдвинута гипотеза, что это равносильно росту доверия к национальной валюте); денежная масса увеличивается.

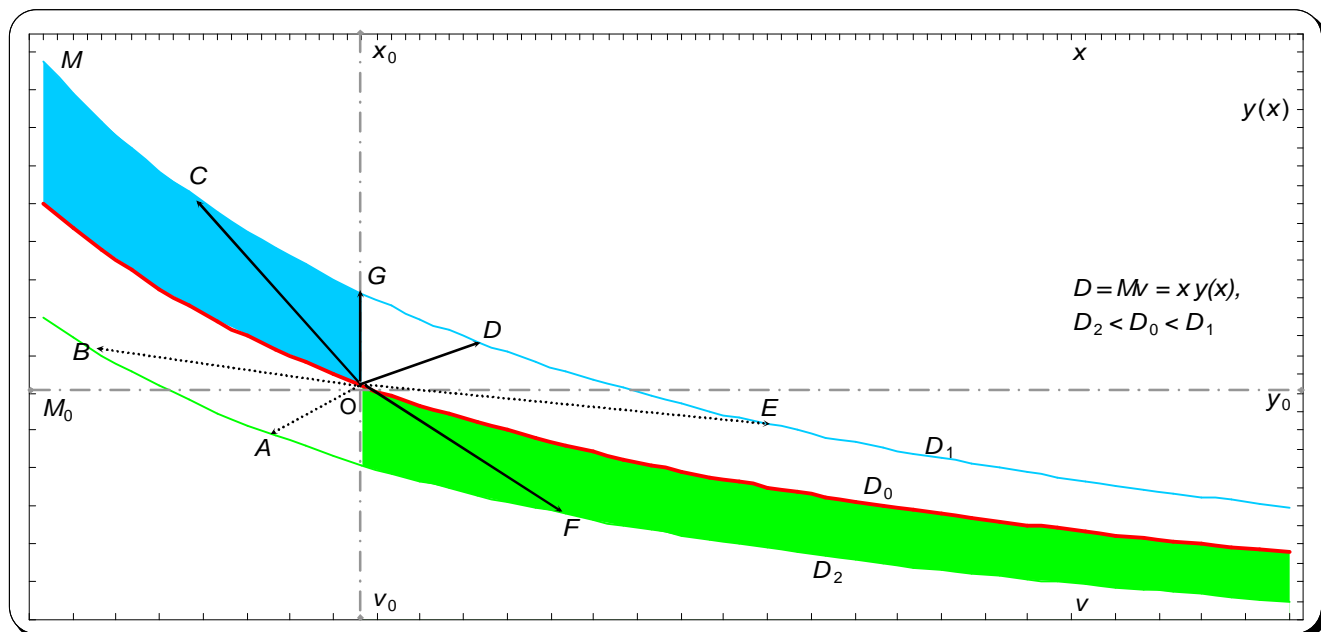

Рис.10. Векторы экономического развития в координатах скорости денежного обращения и денежной массы, цен и реального объема продаж товаров

Однако ясно, что развитие по Дж.М.Кейнсу практически неосуществимо, так как есть масса причин, которые заставляют оба аргумента (цены и скорость обращения денег) двигаться влево или вправо, причем это движение может быть как синхронным, так и метасинхронным, а изменения аргумента, в свою очередь, вызывают изменения функций (реального объема продаж и денежной массы соответственно). В результате экономика может характеризоваться двумя разнонаправленными векторами сразу: например, в настоящее время реальный сектор России ориентирован как $\overrightarrow{OD}$, тогда как финансовая система направлена как $\overrightarrow{OC}$. Впрочем, точно также ориентированы реальный сектор и финансы большинства стран, в том числе и развитых. Разница же между Россией и развитыми странами в том, что темп снижения скорости денежного обращения и инфляции в России выше, чем в развитых странах. Возвращаясь к рис.9, можно сказать, что если в нашей экономике эти два вектора развернуты широко, то в развитых странах угол между ними существенно меньше.

Опираясь на этот полуэмпирический вывод и еще раз вспомнив о неочтенном до сих пор по достоинству предсказании М.Фридмана, а также о желательности для любой экономики в длительной перспективе кейнсианского варианта развития (что уже подтвердилось поистине чудесным выходом экономики США из ямы великой депрессии), осталось сформулировать последнюю гипотезу – гармоничного развития реального сектора и финансовой сферы.

Есть основания полагать, что денежно-кредитная политика государства и ценовая политика предпринимателей должны идти в ногу, что применительно к рис.10 означает, что вектор, определяемый зависимостью "цена – реальный объем продаж", и вектор, формируемый зависимостью "скорость денежного обращения – денежная масса", должны указывать в одном и том же направлении. Поскольку выбор вариантов развития денежной сферы, как мы определили, анализируя рис.9, ограничен всего двумя векторами: $\overrightarrow{OD}$ или $\overrightarrow{OC}$, – то это должно быть справедливым и для реального сектора экономики. Таким образом, государство должно придерживаться или стратегии $\overrightarrow{OD}$, или $\overrightarrow{OC}$, но никак не обеих сразу – это может быть только временным явлением кризисного свойства. Для правительства, отвечающего за денежное хозяйство, вектор $\overrightarrow{OD}$ означает сознательную девальвацию национальной валюты, и соответственно вектор $\overrightarrow{OC}$ – столь же сознательное укрепление национальной валюты, формализованное в виде соответствующего изменения курса рубля по отношению к мировым валютам. Соответственно для предпринимателей вектор $\overrightarrow{OD}$ означает сознательное повышение цен, и соответственно вектор $\overrightarrow{OC}$ – столь же сознательное их снижение (это же показывает

разобранный выше рис.8).

Однако в настоящее время в российской экономике реальный сектор характеризуется вектором $\overrightarrow{OD}$ (цены растут, но реальный объем продаж товаров и услуг тоже увеличивается), тогда как денежное хозяйство – вектором $\overrightarrow{OC}$ (скорость обращения денег снижается, а денежная масса увеличивается). А потому ситуация нуждается в исправлении, при этом у правительства и Центрального Банка есть две альтернативы:

- **ИЛИ:** оставить все как есть, и тогда при первом же сквозняке на мировом нефтяном рынке национальная валюта даст знать о себе еще одной самостоятельной (точнее, самопроизвольной) девальвацией, которая наглядно проиллюстрирует очередному правительственному кабинету справедливость слов классика: *"хороший политик идет впереди событий, плохого они волокут за собой"*. В результате вместо тянущих экономику в разные стороны векторов $\overrightarrow{OD}$ и $\overrightarrow{OC}$ правительство получит закономерный вектор $\overrightarrow{OD}$: инфляцию и увеличение скорости обращения денег, а также их неизбежные последствия – вал неизбежно сопутствующей инфляции низкокачественной (и даже откровенно фальсифицируемой) продукции и вал низкокачественной денежной массы;
- **ИЛИ:** учитывая, что после 1998г. несколько лет сравнительно спокойного развития пошли на пользу национальной валюте, и к ней стало возвращаться уважение населения, у правительства появился уникальный шанс реализовать предсказание М.Фридмена. Иначе говоря, есть возможности двигаться по направлению вектора $\overrightarrow{OC}$, обеспечивая рост благосостояния, сопряженный с дефляцией, официально и во всеуслышание декларируемым укреплением рубля, увеличением денежной массы. Для этого нужно единственное – начать систематически, терпеливо, упорно объяснять предпринимателям выгоду снижения цен, стимулируя его, настаивая на таком снижении и даже, может быть, в исключительных случаях (но только в исключительных!) требуя его⁶.

АННОТАЦИЯ

Ситуация в мировой экономике в последние годы оставляет двойственное впечатление. Наряду с бесспорными экономическими достижениями усугубляются серьезные финансово-денежные проблемы. Это вынуждает сомневаться в адекватности теоретических моделей развития, реализуемых правительствами, реальным процессам. В статье анализируется баланс экономической и денежной политики государства, формализующий предсказание Милтона Фридмена и отвечающий интересам покупателей, продавцов и национального банка.

---

⁶ По этому пункту, конечно, в моем подходе мало общего с М.Фридменом. Но я вовсе не предлагаю вернуться к временам тотального регулирования цен. В настоящее время есть уникальные возможности регулирования цен, и даже их снижения, не прибегая к принудительным мерам со стороны государства. С целью стимулировать предпринимательство к снижению цен, необходимо перейти к налогообложению по формальному признаку, не требующему от налогоплательщика усилий по расчету и уплате налогов. Важнейшем итогом подобной налоговой системы будет антиинфляционный эффект, поскольку исчезнут негативные последствия современного налогообложения, в настоящее время способствующие сокрытию доходов и искусственному завышению расходов предпринимателей с целью ухода от налогов (подробности в статье в журнале «ЭКО», 2005г., № 2).